

THE CENTER FOR SLAVIC LANGUAGES AND LITERATURES
OF THE HEBREW UNIVERSITY OF JERUSALEM

THE CYRILLO-METHODIAN RESEARCH CENTER
OF THE BULGARIAN ACADEMY OF SCIENCES

JEWES AND SLAVS

Volume 20

Edited by Wolf Moskovich, Svetlina Nikolova and Moshe Taube

**THE HOLY LAND
AND THE MANUSCRIPT LEGACY OF SLAVS**

AN. 338124

Jerusalem-Sofia
2008

Jews and Slavs, 20

Edited by
W. Moskovich, S. Nikolova and M. Taube

Sponsored by:

The M. Cherney Foundation

The Authority for Research and Development
of the Hebrew University of Jerusalem

The International Christian Embassy in Jerusalem

© 2008 by the Hebrew University of Jerusalem, Center for Slavic Languages and
Literatures

© Bulgarian Academy of Sciences, Cyrillo-Methodian Research Center

ISBN 954-9787-11-7 (vol. 20)

Contact Address:

Prof. Wolf Moskovich
P.O.Box 7823
Jerusalem 91078 Israel
e-mail: wmoskovich@gmail.com

CONTENTS

Foreword	7
Veselka ZHELJAZKOVA, Neli GANCHEVA (Sofia) Святая земля и рукописное наследие славян (Обзор литературы)	9
Heinz MIKLAS (Wien) Zum Gang der Erforschung der glagolitischen Neufunde im Katharinenkloster auf dem Sinai	48
Klimentina IVANOVA (Sofia) Из истории славянской письменности на Святой земле (О славянских рукописях, связанных со Святой землей, хранящихся в книгохранилищах вне Израиля)	60
Valentina IZMIRLIEVA (New York) The Peculiar Codex <i>Jerusalem 22</i> : Tracing the Slavic Kabbalah	87
Vasya VELINOVA (Sofia) Описания Иерусалима и святых мест в средневековой литературе южных славян – функциональные и типологические аспекты	109
Iskra CHRISTOVA-SHOMOVA (Sofia) Йерусалимският типик от библиотеката на Гръцката православна патриаршия в Йерусалим	125
Evgenij VERESHCHAGIN (MOSCOW) Лингвотеологические наблюдения над лексикой <i>pars nova</i> Синайской псалтыри: дългоумьрънъ, потлачьнъ и пощевьтън	169
Elissaveta MOUSSAKOVA (Sofia) <i>Psalterium Sinaiticum</i> and its Graphic Segmentation	205
Yavor MILTENOV, Anissava MILTENOVA (Sofia) The Slavonic Translation of <i>Paralipomena Ieremiae</i> According to the Copy in Palimpsestus Sinaiticus	227
Anica NAZOR (Zagreb) Хорватские издания <i>Ассеманиева евангелия</i>	254
Cynthia VAKARELIYSKA (Eugene, OR, USA) On Ohrid/“Preslav” Seams in the Book of John	271

Tatjana MOSTROVA (Sofia) Книгата на пророк Исая във Великите чети-миней на митрополит Макарий	281
Elena VELKOVSKA (Siena) A Pseudo-Dionysian Text in the Glagolitic Euchology of Sinai	290
Alessandro Maria BRUNI (Würzburg) Древнеславянский ирмологий и гимнографические традиции Святой земли: К вопросу о происхождении византийского прототипа	301
Roman KRIVKO (Moscow) Синайские унциальные гимнографические сборники и их значение для славянской традиции	317
Mariyana TSIBRANSKA-KOSTOVA (Sofia) Les Nomocanons slaves: l'exemple du manuscrit <i>Sin. Slav. 18</i> du XVI ^e siècle	340
Svetlina NIKOLOVA, Veselka ZHELJAZKOVA (Sofia) Микрофильмы и фотокопия из коллекции Моше Альтбауэра в собрании Кирилло-Мефодиевского научного центра	352
Index	361
Abstracts	372

FOREWORD

The Holy Land – Jerusalem and the Christian monasteries of Sinai – kept attracting the attention of the Slavic mediaeval men of letters of the Orthodox countries from the Christianization of the Southern and Eastern Slavs in 9th–10th centuries up to the end of the Middle Ages. Slavic men of letters did not travel to the Holy Land only as pilgrims, but brought with themselves Slavic books, left them in the places that they visited and worked on creating new books, which are still kept in the Holy Land.

The process of collecting the Slavic mediaeval manuscript books in the Holy Land and taking them to other countries began already in 18th century. The interest shown by scholars in the Slavic manuscript heritage in the Holy Land has been growing ever since and now scholars have at their disposal extensive knowledge on the emergence of this heritage, on the periods of its entry into Palestine in the Middle Ages and on its peculiarities, and many MSS have already been published.

And yet many problems still await their solution. There is much evidence in support of the present-day importance and need of further study of the Slavic MSS in the Holy Land. It suffices to mention just one fact. The Holy Land has remained to this day the repository of the largest number of Glagolitic MSS of the 11th century, which are the oldest evidence of the functioning of the first Slavic alphabet created in the middle of the 9th century by SS Cyril and Methodius.

The present volume has the task to fill some gaps in our knowledge concerning the links of the Slavic manuscript heritage with the Holy Land. It was published within the framework of a joint project sponsored by the Israeli Academy of Science and Humanities and the Bulgarian Academy of Sciences and implemented jointly by the Center for Slavic Languages and Literatures of the Hebrew University of Jerusalem and the Cyrillo-Methodian Research Center in Sofia.

Its attention centres on problems that have not been studied so far with regard to little-known MSS of the Holy Land. The oldest Slavonic Glagolitic manuscripts of the Monastery of St. Catherine – the Sinai Psalter and the Sinai Euchology of the 11th century – have been analysed both concerning the graphic peculiarities and their text and language. Several Bulgarian and Serbian Cyrillic manuscripts of the 13th–16th centuries now kept in the Greek Patriarchate in Jerusalem and in the Monastery of St. Catherine are the object of a wide comparative study in connection with the problems of the Slavic Cabbalah, the Slavic Menologion, the Slavic Nomokanon and the Slavic pseudoepigraphs. Some Greek and Georgian manuscripts in the Holy Land from the 8th–10th centuries have also been investigated in connection with the emergence of the Slavic hymnographic collections – the Old Bulgarian Festal Menaion and the old-

⁴⁸ Cf. Parenti, S. Fonti ed influssi italo-greci nei frammenti dell'Eucaristia bizantina nei "Fogli Slavi" del Sinai (XI sec.). IN: *Orientalia christiana periodica*, 57, 1991, 145–177.

⁴⁹ Parenti, S. Глаголический список римско-византийской литургии св. Петра (*Sin. glag. 5/N*). IN: *Palaeobulgarica*, 18, 1994, 3–14, fasc. 4.

⁵⁰ Thomson, F. J. Early Slavonic Translations – An Italo-Greek Connection? IN: *Slavica Gandensia*, 12, 1985, 221–235; Miklas, H. Litterae Palaeoslovenicae. IN: *Saeculum*, 40, 1989, 253–271, spec. 264–265 e n. 39.

⁵¹ As in its most ancient Greek manuscript, the scroll *Vat. Gr. 2282*, ed. B. Ch. Mercier. La liturgie de saint Jacques. Edition critique du texte grec avec traduction latine (= *Patrologia Orientalis*, 26.2). Paris, 1946, p. 178.

⁵² Cf. Jacob, A. La date, la patrie et le modèle d'un rouleau italo-grec (Messanensis gr. 177). IN: *Helikon*, 22–27, 1982–1987, 109–125.

Alessandro-Maria Bruni (Würzburg)

**Древнеславянский ирмологий и гимнографические
традиции Святой земли:
К вопросу о происхождении византийского прототипа***

I

Древнеславянский ирмологий на сегодняшний день очень подробно изучен как в филологическом, так и в музыковедческом плане. Новейшая специальная монография К. Ханника, вышедшая в 2006 г., охватывает всю историю древнеславянской версии важнейшей музыкальной книги Греческой церкви с кирилло-мефодиевской эпохи вплоть до реформ патриарха Никона¹. Исследователь, посвятивший ряд фундаментальных работ истории славянского ирмология и проблемам славянской средневековой музыки², подводит итоги своих многолетних изысканий и завершает процесс исследования, начатый еще в тридцатые годы XX в. Э. Кошмидером³. В этой книге впервые в науке предлагается критическое издание славянских ирмосов и невм, снабженное двумя аппаратами разночтений – один для текста, другой для нотации. Семиографический материал отражает музыкальную практику времени расцвета хомонии в русском церковном пении⁴. Сравнительное изучение византийско-славянской рукописной традиции и параллельная публикация греческого текста с важнейшими его разночтениями сопровождают издание славянского памятника. Вторую часть исследования составляет систематический и аналитический комментарий филологического, богословского и музыковедческого содержания, являющийся ценным научным пособием как для славистов, так и для византинистов⁵.

Согласно выводам К. Ханника, славянский ирмологий как невмированный литургический сборник увидел свет не раньше XI столетия и был создан в Древней Руси⁶. Он заимствовал свою общую структуру от так называемого в науке⁷ греческого ирмология *OdO* (= *Oden-Ordnung*), в котором ирмосы собраны по песням в рамках каждого гласа, а не по канонам, как это наблюдается в ирмологии *KaO*⁸ (= *Kanon-Ordnung*). Славянский гимнографический сборник создавался в восточнославянской среде, возможно, с участием болгарских переводчиков: в процессе работы нередко использовались уже имеющиеся более древние переводы отдельных ирмосов, восходящие как к кирилло-мефодиевской эпохе, так и к болгарской литературной школе X столетия⁹. Известно, что переводческая деятельность славян над византийской поэзией началась уже в IX в. и что она с самого начала способствовала развитию оригинального гимнографического твор-

чества на славянском языке: знаменитым примером этого является создание таких гимнов, как *Канона святому Дмитрию Солунскому*, приписываемого традицией самому первоучителю Мефодию¹⁰. Всестороннее изучение славянского ирмология как в текстологическом, так и в музыковедческом плане привело, однако, К. Ханника к заключению о том, что мнение о существовании в Болгарии завершившегося славянского ирмология, снабженного невмами, нужно считать маловероятным: по убеждению ученого, даже выявление явной ирмологической основы в знаменитых новгородских минеях 1095–1097 гг.¹¹ не может служить доказательством создания раньше XI в. полного славянского перевода византийской музыкальной книги¹². В этом отношении результаты исследования славяно-русской традиции ирмология проведенного К. Ханником согласуются с давно высказанным им предположением о том, что до начала второго царства в Болгарии литургическое пение исполнялось на греческом языке¹³.

Новейший труд, посвященный славянскому ирмологии, его текстологическому изучению и установлению полного ирмологического репертуара, позволяет науке вернуться с новыми силами к вопросу об изучении византийского прототипа славянского музыкально-литургического сборника. Данная задача по сей день окончательно не решена и находится в тесной связи с проблемой формирования и дальнейшего распространения этой книги как в Византии, так и на Христианском Востоке (Святая земля и Грузия) на протяжении IX–XI вв. Рассмотрение этого вопроса заслуживает самого серьезного внимания со стороны исследователей и предлагает к обсуждению две основные проблемы. Во-первых, по сей день еще не было выявлено ни одной греческой рукописи ирмология, которая совпала бы полностью по своей структуре со славянскими кодексами: в славянских и греческих списках ирмология OdO лишь принцип сборки ирмосов одинаков, тогда как последовательность текстов между ними отличается¹⁴. Более того, текстуальные параллели ко многим славянским ирмосам возможно найти очень часто не в греческих манускриптах типа OdO, а только в списках греческого ирмология KaO¹⁵, который предлагает более широкий и полный репертуар ирмосов. Во-вторых, в науке остается до сих пор открытым вопрос о происхождении двух вышеуказанных типов греческого ирмология. В начале 60-х годов высказывалось предположение о том, что ирмологий KaO „константинопольский“ или „афонский“ по происхождению, а OdO – „палестинский“. Данная гипотеза была сформулирована выдающимся знатоком византийско-славянской музыкальной проблематики М. Велимировичем, который, исследуя в сравнительной перспективе византийско-славянский рукописный материал, пришел к выводу о том, что славянский ирмологий, заимствовав свою структуру из рукописей OdO, возможно создан под непосредственным влиянием греческого прототипа „палестинского“ происхождения¹⁶.

Сегодняшние достижения в области изучения славянского ирмология заставляют нас приступить к повторному рассмотрению данного вопроса. Совпадение славянского ирмология по своей общей структурной организации с греческими кодексами OdO, происхождение которых музыковеды относят к Святой земле, не может не требовать объяснения и специального исследования как со стороны славистов, так и византинистов. Если представления М. Вели-

мировича о происхождении и об историческом развитии ирмология нашли бы подтверждение, то зависимость древнерусского ирмология от греческого прототипа иерусалимского происхождения приходилось бы считать либо исключением в истории византийско-русских связей XI в., либо результатом случайного совпадения. Известно, что в интересующее нас время богослужение в Древней Руси было ориентировано на Константинополь, а не на Иерусалим: в XI–XIV вв. богослужебную практику Русской церкви определял Студийско-Алексиевский устав, который был заменен на Иерусалимский типикон только во второй половине XIV в.¹⁷ Возникает тогда необходимость проверить предположение М. Велимировича и окончательно выяснить, является ли основное деление греческой рукописной традиции ирмология на две коллекции действительно результатом существования двух разных региональных традиций, двух разных путей распространения этой литургическо-музыкальной книги в византийском средневековье. Во время выхода в свет знаменитой монографии М. Велимировича работа над изданием греческих и славянских рукописей ирмология и над их компаративным изучением только начиналась. Поэтому не существовало возможности документировать подобную гипотезу: как сам ученый отмечал, его рассуждения не могли тогда найти подтверждение¹⁸. Сегодня, однако, существуют все предпосылки для возобновления этого направления исследования и для нового освещения той сложной проблемы, которой является установление происхождения греческого прототипа древнеславянского ирмология.

В настоящей работе формулируется тезис о необходимости привлечения других восточнохристианских источников для решения проблемы происхождения и исторического развития византийского ирмология и для окончательного определения и выявления тех гимнографических традиций, которые в последствии повлияли на формирование его славянского перевода. Рассмотрение этого вопроса требует совершенно нового методологического подхода к предмету: исследование проблем славянского ирмология должно выходить за пределы византийско-русских литургическо-музыкальных и литературных связей XI–XII вв. и должно охватывать более широкую перспективу сравнительного изучения славянского и грузинского ирмология. Если в изучении славянского ирмология по сей день наука ориентировалась на вертикальный план взаимоотношений оригинала и копии, то теперь наступило время построить процесс исследования по горизонтали сравнительного изучения двух переводных традиций. Сопоставление славянских и грузинских рукописей может оказаться решающим при установлении характеристики и особенностей потерянного греческого прототипа. Результаты, полученные при сравнительном изучении славянской и грузинской рукописной традиции Слов Григория Назианзина, явно указывают на обоснованность применения такого метода¹⁹. Конечная цель сравнительного изучения славянского и грузинского ирмология – воссоздание процесса возникновения и исторического развития греческого ирмология OdO, этапов формирования и комплектования его ирмологического репертуара, география его распространения и определение его взаимоотношения с ирмологием KaO.

II

Фундаментальный вклад в изучение византийского ирмология в музыковедческом аспекте принесла серия *Monumenta Musicae Byzantinae* (=ММВ), которая с 1936 г. печатается под патронатом *Union Académique Internationale*. Помимо факсимильных изданий греческого²⁰ и славянского ирмология²¹ публиковались исследования, посвященные транскрипции греческих неум²² и расшифровке древнейшей славянской нотации²³. Проблеме греческой музыкальной палеографии ряд важнейших трудов посвятил датский ученый Й. Ростед²⁴. В филологическом отношении, однако, греческий ирмологий изучен гораздо в меньшей степени, чем славянский: мы не располагаем его полным критическим текстом. Для идентификации ирмосов и обозначения соответствия их славянских переводов наука ссылается до сих пор на устаревшее издание Евстратиадиса²⁵ (ирмосы принято обозначать посредством сокращения *Eu* с номером аକୁφύη)²⁶, в основу которого легли два афонских манускрипта – *Ath.Laur.gr. B 32*²⁷ и *Ath.Iber.gr. 470*²⁸. Наряду с венским палимпсестом *Vind.theol.gr.27*²⁹ эти кодексы относятся к числу важнейших списков греческого ирмология типа КаО: первые два содержат наиболее полный репертуар ирмосов.

В начале 90-х годов Й. Ростед обнаружил в греко-грузинском палимпсесте *Princet.Garr.24* фрагменты архаического греческого ирмология типа OdO, датируемые им по палеографии рубежом VIII–IX вв.³⁰ Особенности греческого письма и наличие грузинского текста на верхнем слое манускрипта привели ученого к заключению о том, что данная рукопись была написана на Святой земле (Палестина или Синай) и что ее следовало бы считать древнейшим свидетельством греческого ирмология типа OdO. До публикации Й. Ростеда считалось, что кодексу *Par.Suppl.gr.1284* начала XII в.³¹, содержащему тоже лишь несколько отрывков текста, принадлежит статус древнейшего ирмология OdO, так как остальные кодексы этого типа известны только с XIII в. (первый датированный источник – рукопись *Sin.gr. 1258, 1257 г.*)³². Выводы Й. Ростеда не вызвали в византистике никаких возражений: по-видимому его открытие должно было просто подтвердить гипотезу М. Велимировича о синайско-иерусалимском происхождении типа OdO и указывать на необходимость отнесения его возникновения к еще более древней эпохе. Степень изученности *Princet.Garr.24* является, однако, не совсем удовлетворительной по двум причинам. Во-первых, в исследовании Й. Ростеда не находим информации о происхождении палимпсеста и истории его изучения, которая включает таких выдающихся представителей востоковедения как А. Цагарели, А. Баумштарк и Ж. Гарит. Во-вторых, в данной работе отсутствует также полное воспроизведение текста: в приложении к статье находим лишь указатель с начальным стихом тех ирмосов, которые Й. Ростеду удалось опознать на основе фрагментарных чтений, которые им, однако, не приводятся (Appendix I)³³. Выписки даются лишь для некоторых неидентифицированных текстов (Appendix II)³⁴. Из-за этого обстоятельства ученые не могут иметь точного представления о содержании нижнего слоя рукописи и обязаны относиться к материалу с большой осторожностью. Повторное чтение палимпсеста с его новым полным изданием представляется на сегодняшний день необходимой задачей. На это указывает и рассмотрение проблем происхождения и истории изучения памятника.

С целью описания коллекции грузинских рукописей монастыря Св. Екатерины, в 1883 г. Синайскую гору посетил А. Цагарели. В его каталоге, вышедшем несколько лет спустя в Санкт-Петербурге, под номером 93 представлена рукопись, объемом 109 л., содержащая *Сказание о сошествии Иисуса Христа и распространении христианства*, написана почерком „писца Иоанна Синайского X в.“³⁵ В 1902 г. во время посещения Синая Н. Я. Марром и И. А. Джавахишвили³⁶ этот памятник уже не находился в собрании монастыря: кодекс считался безвозвратно потерянным. В начале 20-х годов XX в., однако, наша рукопись уже фигурировала в каталоге лейпцигского антиквара Карла В. Гирсеманна, где предлагалась для продажи за сумму 15 000 швейцарских франков³⁷. До отправления в Америку, куда манускрипт поступил в коллекцию Роберта Гаррета, купившего раритет не позже 1922–1924 гг.³⁸, рукопись оказалась в руках знаменитого востоковеда и литургиста XX в. А. Баумштарка, к которому антиквар К. В. Гирсеманн обращался за научной экспертизой рукописных материалов, предназначенных для продажи³⁹. Данное обстоятельство было выяснено в 1967 г. Ж. Гаритом, которому впервые удалось доказать тождественность палимпсеста *Princet.Garr.24* с потерянной рукописью каталога А. Цагарели № 93⁴⁰.

Реконструкция бельгийского ученого предусматривает следующие пункты: а) верхний грузинский текст *Princet.Garr.24* был написан известным грузинским писцом последней трети X в. Иоанном Зосимой (იოანე ზოსიმე), переписавшего и отреставрировавшего между 973–986 гг. целый ряд грузинских рукописей как в Синайском монастыре, так и в Лавре Св. Саввы близ Иерусалима⁴¹; б) идентификация грузинского текста, предложенная А. Цагарели, не точна: кодекс содержит перевод *Слова об обречении Креста Господнего*, написанного Александром Кипрским (=ВНГ 410)⁴²; в) один лист рукописи хранится сегодня в библиотеке Selly Oaks Colleges (Бирмингем, Англия) под шифром *Mingana georg. 4*⁴³; г) грузинско-сирийские палимпсесты *Syr. 17, 19 и 21–25* Гёттингенской университетской библиотеки (Германия)⁴⁴ в свое время входили в состав принстонского кодекса (часть листов была изъята еще до описания А. Цагарели). Таким образом, становится ясным, что Иоанн Зосима для создания своей рукописи использовал в качестве писчего материала пергаменные листы, являющиеся до этого частью как греческих, так и сирийско-палестинских кодексов⁴⁵.

Ж. Гарит не интересовался содержанием нижнего греческого текста принстонской рукописи: его усилия были направлены на очень удачно получившуюся реконструкцию первоначального облика бывшей рукописи Синайского монастыря и на выяснение тех путей, по которым она оказалась в Америке. Со своей стороны, Й. Ростед не имел представления о столь интересной истории исследуемого им памятника. Более того, несмотря на собственное убеждение („...it seems that nobody has tried to identify the contents of the palimpsest leaves“⁴⁶, Й. Ростед оказался не первым человеком, который попытался расшифровать содержание смытого греческого текста палимпсеста *Princet.Garr.24*.

В каталоге К. В. Гирсеманна под номером 16 описание грузинского палимпсеста сделано никем иным, как упомянутым А. Баумштарком⁴⁷. Немецкий ученый, проанализировав рукопись, пришел к выводу о том, что при создании этого палимпсеста были использованы пергаменные листы, восходящие по крайней

мере к семи разным рукописям. В связи с этим, его краткое описание памятника делится на 7 разделов, соответствующих разным, с точки зрения нижнего текста, частям кодекса. Опубликованные Й. Ростедом фрагменты ирмология по сообщению самого автора отражают содержание лл. 63–70 манускрипта *Princet. Garr.24*⁴⁸. Анализу этих же листов посвящен второй раздел описания А. Баумштарка, в котором ученый предлагает некоторые пробы собственной расшифровки нижнего текста этой части рукописи (текст воспроизводится так, как он напечатан в публикации):

чтения А. Баумштарка	
(I) = л. 64r	τοῦ ΖΩΟΠΟΙΟΥ σταυροῦ τῆς ΤΑΦΗΣ ΤΗΣ ΤΡΙΗΜΕΡΟΥ Ἐκ νεκρῶν ἀναστάσεως
(II) = л. 68v	ΟΥ ΠΑΡ(Ε)ΙΔΕΣ ΑΛΛ ΗΛΘΕΣ ΚΑΙ ΕΣΩΣΑΣ
(III) = л. 67r	ΕΥΛΟΓΗΜΕΝΟΣ ὁ ΤΩΝ ΠΑΤΕΡΩΝ ΘΣ

Что касается происхождения данных отрывков, А. Баумштарк не связывает их с ирмологием. По поводу первого фрагмента (I) исследователь высказывает мнение о том, что он относится к так называемой “Anamnese (= Unde et memores der römischen Messe)”, по поводу второго (II), что он имеет отношение к “Erlösung im eucharistischen Dankgebet (= Präfation der römischen Messe) einer bisher völlig unbekanntem eucharistischen Liturgie”, а относительно третьего (III), что он принадлежит к “Gesangstücke des kirchlichen Tagzeitengebets”. С византийской гимнографией, а именно с жанром канона, А. Баумштарк связывает другие тексты, прочитанные им в третьей (= лл. 72, 74, 75, 77) и в четвертой (= лл. 43 и 76) частях палимпсеста⁴⁹.

При сопоставлении первых двух чтений А. Баумштарка с материалами Й. Ростеда можно сделать следующие заметки. Относительно первой выписки, мы не находим соответствия в работах двух авторов, так как по Й. Ростеду содержание листа 64 отражает аколупии Eu 55.7 (строки 3–11), Eu 53.7 (строки 12–18), в которых не находим текста, близкого к пробе немецкого литургиста (похожий фрагмент можно найти в описании Ростеда строчек 1–5 листа 64 об.⁵⁰). Что касается второго чтения, то фрагмент οὐ παρείδες ἀλλ' ἦλθεσ καὶ ἔσωσας действительно относится к ирмологии, а точнее к последовательности Eu 54.4 (Προφλεττικῶς ὁ προφήτης)⁵¹, как было косвенно указано Й. Ростедом⁵².

Выявление расхождений между изданием Й. Ростеда и описанием А. Баумштарка, а также отсутствие полного воспроизведения текста в работе датского музыковеда заставляют нас считать изучение этого манускрипта вопросом до сих пор открытым и острым. Наличие древнего иерусалимского ирмология на лл. 63–70 манускрипта *Princet. Garr.24* нужно считать сильной гипотезой, нуждающейся, однако, в проверке и в дальнейшем исследовании. Повторное прочтение палимпсеста с помощью новых технологических возможностей⁵³ представляется приоритетным и актуальным для истории византийского ирмология.

Независимо от результатов будущего исследования памятника у нас есть другие материалы, которые позволяют уже сегодня сделать заключение о не-

обоснованном отнесении греческого ирмология КаО в своем раннем развитии к Константинополю или Афону. В нашем распоряжении достаточно аргументов для того, чтобы отказаться от гипотезы распространения византийского ирмология на Святой земле исключительно в виде сборника OdO, как это было предложено М. Велимировичем⁵⁴.

III

Значение грузинских источников для изучения византийских литургических традиций Иерусалима и Святой земли давно отмечено в науке⁵⁵. Такие памятники как Канонарь VII в. и Древнейший иадгари⁵⁶ содержат уникальные сведения по ранней истории византийского богослужения и церковному пению VII–VIII вв. Последний особенно важен для нас, поскольку он отражает доирмологическую стадию византийской гимнографии, предысторию и древнейшие фазы возникновения византийского ирмоса⁵⁷.

В отличие от славянской в грузинской традиции известны оба ирмология, КаО и OdO, с той фундаментальной разницей, что на грузинском за каждым ирмосом всегда следует соответствующий богородичный тропарь (данная особенность отличает грузинские рукописи ирмология и от греческих, где ирмосы не сопровождаются *θεοτοκία*). Неслучайно на грузинском название “ирмологий” как таковое отсутствует: сборник именуется *zisp'irni da ymrtismšoblisani* “ирмосы и богородичные”⁵⁸.

Древнейший грузинский ирмологий относится исключительно к КаО, но он не составляет самостоятельную книгу: этот тип засвидетельствован только в качестве приложения к так называемым “малым литургическим сборникам”, особым грузинским богослужебным книгам, отличающимся от годовой праздничной минеи нестандартным составом гимнографического материала (краткий иадгари)⁵⁹.

Важнейший источник этого типа – литургический сборник Sin.34, который своим репертуаром 8 аколупий (=64 ирмоса) сохраняет очень раннюю форму византийского ирмология КаО⁶⁰. На архаичность этого микроирмология указывают отсутствие нотации и ритмического деления, а также принадлежность к сборнику минейного типа палестинского происхождения. Помимо палеографических особенностей на данный ареал намекает и наличие текстов только Козьмы Иерусалимского и Иоанна Дамаскина⁶¹.

СТРУКТУРА ИРМОЛОГИЯ В ГРУЗИНСКОЙ РУКОПИСИ Sin.34

ГЛАС	АКОЛУФИЯ	АВТОР
I	Eu 8	Козьма Иерусалимский
II	Eu 49	Козьма Иерусалимский
III	Eu 101	Козьма Иерусалимский
IV	Eu 133	Иоанн Дамаскин
V	Eu 182	Иоанн Дамаскин
VI	Eu 224	Иоанн Дамаскин
VII	Eu 286	Козьма Иерусалимский
VIII	Eu 314	Иоанн Дамаскин

Другая рукопись, иадгари середины X в. Sin.26, предоставляет нам возможность лучше понять назначение грузинского ирмология КаО на ранней фазе его развития: на лл. 222об.–225, написанный рукой того же Иоанна Зосимы⁶², читаем инципитарий ирмосов, расположенный по 8 гласам, предназначенный для облегчения поиска в рукописи нужных песнопений (“ძლისპირნი და ღმრთისმშობლისანი ყოველთა კმათა ზედა ესრეთ ჰპოვნე, თუ გინდენ⁶³”). Для каждого ирмоса дается его начальный стих без сопровождения полного текста: данный указатель, имеющий чисто функциональную и практическую цель, можно считать прообразом ирмология КаО⁶⁴.

Третий источник сохраняет очень архаичный тип грузинского ирмология: это кодекс Sin.20, 987 г., в котором содержатся ирмосы IV, V и VIII гласов (лл. 1–9)⁶⁵. Этот частичный ирмологий отличается от других тем, что его можно считать гибридным: по своему назначению его можно отнести к типу КаО⁶⁶, но в нем наблюдаются типичные для OdO элементы. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать состав гласа V, где представлены только две аколупии Иоанна Дамаскина – Eu 182 и Eu 183⁶⁷. Материал расположен так, что ирмосы группируются по песням: сначала идут парой тропари Eu 182α и Eu 183α, потом Eu 182γ и Eu 183γ, и т.д. Остальные два гласа организованы по такому же принципу с той лишь разницей, что здесь комбинируются ирмосы, принадлежащие разным последовательностям. Структурные особенности Sin.20 позволяют нам считать его в какой-то степени предшественником ирмология OdO.

СТРУКТУРА ИРМОЛОГИЯ ПО РУКОПИСИ Sin.20

ГЛАС/ПЕСНЯ	I	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
IV	–	–	138, 146	133 –	133, 172	133, 145	133, 134	133, 146
V	182, 183	182, 183	182, 183	182, 183	182, 183	182, 183	182, 183	182, 183
VIII	324, 321	321, 323	322, 321	324 –	321 –	321 –	321, 319	315, 321

Остальные грузинские рукописи содержат исключительно ирмологий OdO, известный в трех редакциях текста, из которых лишь третья (кодекс А-603⁶⁸) представлена в виде самостоятельной книги: как в кодексах первой редакции (Sin.1, 14), так и второй (S-425, X в.) ирмологий является частью гимнографического сборника иадгари. Музыкальную нотацию находим во всех редакциях⁶⁹.

Древнейший грузинский ирмологий типа OdO сохранился в списках Sin.1 (середина X в.) и Sin.14 (X в.): в его состав входят около 400 ирмосов⁷⁰. Первая грузинская редакция OdO обязана своей жизнью деятельности грузинских переводчиков Саввинского монастыря: как и ирмологий КаО, который служил ее основой, она тоже создавалась в Палестине не позже рубежа IX–X вв.

В итоге, синайские грузинские рукописи Sin.34, 26, 20, 1, 14 свидетельствуют о том, что на территории Святой земли оба типа греческого ирмология – КаО и OdO, были в употреблении не позже первой половины X столетия. Уникальное свидетельство грузинской традиции дает нам сведения по состоянию греческого ирмология в X в. – накануне принятия славянами византийского ирмология типа

OdO и указывает на несостоятельность гипотезы о разном географическом происхождении указанных типов греческого ирмология. Значение грузинских памятников для воссоздания истории византийского ирмология не ограничивается только сведениями по иерусалимско-синайской традициям. Возможность прослеживания развития грузинского ирмология со второй половины X – начала XI в. также предлагает ценнейшие материалы для наших изысканий, в том числе для выяснения тех обстоятельств, которые могли обусловить появление у славян именно ирмология OdO, а не КаО.

Древнейший ирмологический пласт палестинского происхождения, отраженный в упомянутых синайских кодексах, создает основу для второй редакции грузинского ирмология OdO, которая комплектовалась по принципу добавления к старому материалу новопереуведенных и оригинальных грузинских ирмосов. На это указывает не только филологический анализ списков, а также изучение колофона Микаэла Модрекили⁷¹, известного поэта и составителя знаменитейшей гимнографическо-музыкальной рукописи грузинского средневековья – иадгари S-425⁷², созданной в последней четверти X столетия. В записи манускрипта читаем, что Микаэл постарался собрать как можно больше греческих и грузинских ирмосов, какие только ему удалось найти для составления своего сборника⁷³. Благодаря его усилиям, древнейший репертуар оказался умножен в два раза (согласно выводам П. Ингороква в составе его книги должны были уместиться почти 800 ирмосов⁷⁴).

Длительный процесс развития грузинского ирмология находит свое первое завершение в рукописи А-603, являющейся первым свидетельством грузинского ирмология как отдельной литургическо-музыкальной книги специфического назначения. Этот невмированный кодекс, относящийся к рубежу X–XI вв., сохраняет третью редакцию грузинского ирмология, которая насчитывает 872 ирмосов⁷⁵. Памятник того же времени – Иверская рукопись Ath.85 является одним из древнейших свидетельств грузинского ирмология как самостоятельного сборника⁷⁶. Как этот памятник, так и многочисленные другие грузинские рукописи XIV–XVII вв. нуждаются еще в специальном исследовании⁷⁷.

Итоги изучения грузинских рукописей ирмология X – начала XI вв. на сегодняшний день позволяют сформулировать следующие выводы:

1) возникновение грузинского ирмология связано с практической целью создания гимнографического указателя к малым литургическим сборникам (иадгари) по восьми музыкальным гласам;

2) оба типа грузинского ирмология КаО и OdO создавались на Святой земле не позже рубежа IX–X вв. и переписывались как в лавре Св. Саввы близ Иерусалима, так и на горе Синай;

3) до конца X – начала XI в. грузинский ирмологий не существует в виде отдельной музыкальной книги, а лишь как приложение (тип КаО) или как часть грузинских иадгари (первая и вторая редакция OdO);

4) во второй половине X в. грузинский ирмологий КаО выходит из употребления: с этого времени только грузинский ирмологий OdO находит свое дальнейшее распространение за пределами Святой земли и употребляется в

грузинских монастырях, расположенных как в Грузии, так и за ее границами (Афон).

Этапы развития и особенности грузинского ирмология предоставляют нам возможность с уверенностью отнести создание обоих типов византийского ирмология КаО и OdO к Святой земле и, следовательно, опровергнуть гипотезу М. Велимировича о распространении последнего исключительно на территории Палестины и Синая⁷⁸. Более того, постепенный переход от ирмология КаО к OdO, наблюдаемый в грузинской традиции, а также появление самостоятельной книги грузинского ирмология в виде сборника OdO не раньше рубежа X–XI вв., помогают нам лучше понять обстоятельства появления у славян именно этого типа византийского ирмология.

IV

Хотя дошедшие до нас греческие рукописи не предлагают нам однозначных сведений, свидетельство грузинских рукописей казалось бы указывает на то, что с рубежа X–XI столетий византийская литургическая практика постепенно отдавала все больше предпочтения ирмологии OdO. Более того, изучение данной восточнохристианской традиции внушает мысль о том, что греческий сборник ирмосов OdO мог образоваться как самостоятельная книга немного позднее, чем это принято думать: в действительности, открытие Й. Ростеда⁷⁹, даже если оно будет подтверждено, в любом случае не является доказательством того, что византийский ирмологий OdO существовал в виде самостоятельного сборника уже на рубеже VIII–IX вв. Оставив пока в стороне проблему ранней истории OdO в Византии, нам кажется, однако, возможным и нужным связать постепенный выход из употребления ирмология КаО в грузинской практике второй половины X в. с историей возникновения славянского ирмология.

Есть основание полагать, что параллелизмы между двумя традициями являются не случайным совпадением, а результатом отражения современного им состояния греческого ирмология в начале XI в. На наш взгляд, переложение опыта изучения грузинских рукописей ирмология на славянский материал подкрепляет выводы К. Ханника⁸⁰ о создании славянского ирмология как самостоятельного сборника не раньше указанного столетия.

Наличие архаичных элементов в славянском ирмологии, как известно, не оставляет сомнений в том, что перевод отдельных греческих ирмосов начался уже в кирилло-мефодиевскую эпоху или, в любом случае, не позже рубежа IX–X вв.⁸¹ Эти тексты, составляющие древний субстрат славянского ирмология, охотно сохранялись при последующем составлении полной невмированной книги ирмология в Древней Руси. Проведя типологическое сравнение с грузинской традицией, представляется возможным предположить, что в славянской традиции могло произойти подобное же явление, которое отмечалось выше для истории грузинского ирмология. Предысторию славянского ирмология допустимо себе представить как процесс медленного и постепенного формирования ирмологического репертуара, начатый еще в IX в. и завершившийся только около двух столетий спустя в Древней Руси. Согласно такой схеме, известное свидетельство *Пространного Жития Мефодия* о переводе Кириллом и Мефодием „избранных служб“⁸² могло бы быть истолковано как указание перво-

начального перевода первоучителями отдельных греческих аколуйфий, впоследствии входивших в общеславянский ирмологический фонд и в итоге используемых для создания древнерусского ирмология. Если грузинская традиция X–XI вв. сохранила подробный, скажем, отчет о разных этапах комплектования ирмология вплоть до фиксации широкого ирмологического репертуара и образования самостоятельной невмированной книги на рубеже X–XI в. в виде сборника OdO, то славянская традиция, может быть из-за правки литургических книг в Древней Руси в XI в.⁸³, оставила только неясные следы о своей ранней истории. Выявление параллелизмов между грузинской и славянской традициями подтверждает выводы о времени возникновения славянского невмированного ирмология: в свете изучения грузинского материала, передвижение создания славянского ирмология как самостоятельной книги от IX в. (кирилло-мефодиевская эпоха) на XI в. (Киевская Русь) приобретает еще большую обоснованность, а заимствование славянами ирмология OdO представляется более объяснимым.

Передвижение ирмология КаО на Святую землю создает базу для иного рассмотрения проблемы происхождения греческого прототипа славянского ирмология: благодаря свидетельству грузинской традиции отпадает необходимость объяснять маловероятное наличие, с точки зрения истории греко-русских связей XI в., палестинских элементов в древнеславянском ирмологии. Доказательство употребления ирмология OdO за пределами Святой земли позволяет нам сформулировать другую гипотезу относительно вопроса влияния греческих источников на формирование славянского ирмология. В этом нам помогает установление рубежа X–XI в. в качестве хронологической грани формирования грузинского и славянского ирмология OdO как самостоятельной книги, а также опыт изучения других древнерусских литургических памятников XI столетия.

Литургический анализ новгородских миней 1095–1097 гг. показал, что с богослужбной точки зрения эти книги претерпели влияние используемого в то время в Древней Руси Студийско-Алексиевского устава. В 1096 г. в Новгороде была завершена для монастыря Пресвятой Богородицы служебная октябрьская миная, которая является древнейшим свидетельством распространения этого типикона за пределами Печерского монастыря в Киеве⁸⁴. Комплектование новгородских служебных миней и ряда других литургических книг восточнославянского происхождения осуществлялось под регламентом устава студийского происхождения⁸⁵, которому суждено было сыграть центральную роль в определении древнерусского богослужения на протяжении еще нескольких столетий. Студийская традиция, со своей стороны, управляла с самого начала монашеским богослужением на Афоне, поскольку Студийский монастырь служил примером для преподобного Афанасия Афонского при основании им Великой Лавры (963 г.) и афонский типикон второй половины X в. относился к числу уставов студийского происхождения, так как в его основе лежал Студийский синаксарь⁸⁶.

Сопоставление сведений по истории богослужения в Древней Руси и итогов исследования славянского ирмология позволяет сделать вывод, что создание славянской музыкальной невмированной книги имело место в среде, где богослужение уже было ориентировано на студийскую традицию. Это обстоятельство еще раз указывает на то, что процесс формирования славянского ирмология

как самостоятельной музыкально-литургической книги не претерпел влияния литургическо-гимнографических традиций, непосредственно заимствованных из Святой земли: комплектование славянского ирмология, как сборника специального назначения, содержащего переводные ирмосы по порядку OdO, отражало скорее всего практику, известную в XI в. в разных монашеских центрах византийского мира, в том числе Афона и Грузии.

Результаты, к которым мы пришли, подтверждают надежность применения метода сравнительного исследования разноязычных памятников для изучения переводных традиций текстов византийского происхождения и указывают на необходимость развивать в дальнейшем данное направление. Для более полного освещения проблемы происхождения византийского прототипа славянского ирмология нужно провести систематическое сравнительное изучение славянских и грузинских рукописей ирмология. Для выполнения этой задачи нужно завершить процесс изучения древнегрузинских списков, неучтенных в изданиях Е. Метревели и Г. Кикнадзе, как *Ath. 85* и ряда других более поздних памятников. Полное сопоставление славянских и грузинских списков ирмология OdO по структуре, составу и порядку ирмосов позволит найти новые данные по истории этого сборника на рубеже X–XI вв. При учете фрагментарных и еще мало изученных свидетельств греческой традиции данный проект является сегодня самым перспективным способом, чтобы точнее нарисовать историю развития ирмология OdO в Византии и окончательно установить степень зависимости древнеславянского ирмология от греческого прототипа.

Notes

- * Настоящая работа является первым научным сообщением по проекту сравнительного изучения древнеславянского и древнегрузинского ирмология, проведенного автором на Кафедре славянской филологии Вюрцбургского университета (Германия) благодаря исследовательскому гранту, выданному в 2006 г. Гумбольдтовским фондом (Forschungsspendium der Alexander von Humboldt Stiftung).
- ¹ Hannick, Ch. Das Altslavische Hirmologion. Edition und Kommentar (= *Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes*, 50). Freiburg, 2006.
- ² Hannick, Ch. Aux origines de la version slave de l'Hirmologion. IN: *Fundamental Problems of Early Slavic Music and Poetry*. Ed. by Ch. Hannick (= *Monumenta Musicae Byzantinae, Subsidia*, 6). Copenhagen, 1978, 5–120; Hannick, Ch. Das Hirmologion in der Übersetzung des Methodius. IN: *Международен симпозиум 1100 години от блажената кончина на св. Методий*. Т. 1. София, 1989, 109–117; Hannick, Ch. Развитие знаменной нотации в русском Ирмологии до XVII в. IN: *Музыкальная культура средневековья*. Т. 1. Проблемы древнерусской и армянской музыкальной письменности и культуры. Под ред. Т. Ф. Владышевской. Москва, 1990, 141–149.
- ³ Koschmieder, E. Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente. Т. 1–3 (= *Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Kl. n. F.*, 35, 37, 45). München, 1952, 1955, 1958; Koschmieder, E. Przyczynki do zagadnienia chomonji w hirmosach rosyjskich. (= *Instytut Naukowo-Badawczy Europy Wschodniej, sekcja filologiczna*, 2). Wilno, 1932; Koschmieder, E., J. Gardner. Ein handschriftliches Lehrbuch der altrussischen Neumenschrift (= *Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Kl. n. F.*, 57, 62, 68). München, 1963, 1966, 1972.
- ⁴ О проблемах хомонии см.: Hannick, Ch. Die Chomonie innerhalb der Entwicklung der reduzierten Vokale im Russischen. IN: *Bereiche der Slavistik. Festschrift zu Ehren von Josip Hamm*. Hrsg. von F.V. Mareš, B. Miązek, K. Sturm-Schnabl. Wien, 1975, 105–111.
- ⁵ Hannick, Ch. Das Altslavische Hirmologion..., 499–826.
- ⁶ Там же, 413–414.

- ⁷ Там же, 402–405. Данные условные наименования греческого ирмология восходят к Э. Кошмидеру. См.: Koschmieder, E. Die ältesten Novgoroder... Bd. 2, 69–70. См. также: Velimirović, M. The Byzantine Heirmos and Heirmologion. IN: *Gattungen der Musik in Einzeldarstellungen. Gedenkschrift Leo Schrade*. Т. 1. Bern–München, 1973, 192–244; Velimirović, M. Структура старословенских музичких ирмолога. IN: *Хиландарски зборник*, 1, 1966, 139–161.
- ⁸ В ирмологии KaO гимнографические аколупии не нарушены, поскольку для каждого канона даются все ирмосы подряд.
- ⁹ Hannick, Ch. Das Altslavische Hirmologion..., 405–413.
- ¹⁰ Там же, 399–400. См. также: Jakobson, R. The Slavic Response to Byzantine Poetry. IN: *Actes du 12e Congrès Internationale d'Études Byzantines*. Т. 1. Beograd, 1963, 249–267; Jakobson, R. Methodius' Canon to Demetrios of Thessalonica and the Old Church Slavonic Hirmoi. IN: *Sbornik prací Filozofické Fakulty Brněnské Univ., ročník XIV, řada uměnovědná (F)*, č. 9. Brno, 1965, 115–121; Vašiča, J. Původní staroslověnský liturgický kánon o sv. Dimitrijovi Soluňském. IN: *Slavia*, 35, 1966, 513–524; Svane, G. Kilka prób rekonstrukcji cerkiewnosłowiańskie poezji liturgicznej. IN: *Rocznik Slawistyczny*, 29, 1968, 29–38; Velimirović, M. The melodies of the ninth-century Kanon for St. Demetrius. IN: *Russian and Soviet Music. Essays for Boris Schwarz*. Michigan, 1984, 10–33; Кожухаров, Ст. Методиев канон за Димитър Солунски (Нови данни за историята на текста). IN: *Кирило-Методиевски студии*. Кн. 3. София, 1986, 72–78.
- ¹¹ Ягич, В. И. Службные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. Санкт-Петербург, 1886.
- ¹² Hannick, Ch. Das Altslavische Hirmologion..., 405–413.
- ¹³ Hannick, Ch. Начало славянской гимнографии в кирило-мефодиевскую эпоху. Thessaloniki. Magna Moravia. (= *Proceedings of the International Conference, Thessaloniki 16–19 October 1997*). Thessaloniki, 1999, 347–354; Hannick, Ch. Das musikalische Leben in der Frühzeit Bulgariens. Auf Grund literarischen Quellen des frühslavischen Schrifttums. IN: *Byzantinoslavica*, 49, 1988, 23–37; Hannick, Ch. Der Einfluss von Byzanz auf die Entwicklung der bulgarischen Kirchenmusik. IN: Lauer, R., P. Schreiner. *Kulturelle Traditionen in Bulgarien. Bericht über das Kolloquium des Südosteuropa-Kommission 16.–18. Juni 1987* (= *Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Kl. 3, F. 177*). Göttingen, 1989, 91–102.
- ¹⁴ Velimirović, M. M. Byzantine Elements in Early Slavic Chant: the Hirmologium. Pars Principalis et Pars Suppletoria (= *Monumenta Musicae byzantinae, Subsidia*, 4). Copenhagen, 1960, p. 39; Velimirović, M. M. The Byzantine Heirmos..., p. 228. Hannick, Ch. Das Altslavische Hirmologion..., S. 402.
- ¹⁵ Velimirović, M. M. Byzantine Elements..., 51–52.
- ¹⁶ Там же, с. 39, 40, 49, 51.
- ¹⁷ Пентковский, А. М. Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. Москва, 2001, 195–227.
- ¹⁸ Velimirović, M. M. Byzantine Elements..., p. 40.
- ¹⁹ Бруни, А. М. θεολόγος. Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы (= *Россия и Христианский Восток. Библиотека*, 6). Москва–Санкт-Петербург, 2004, 47–53, 81–85, 143–149, 190–191, 233–234; Бруни, А. М. Textual problems of the Old Bulgarian Version of the Homilies of Gregory of Nazianzos. IN: *Доклады международной научной конференции „Проблеми на Кирило-Методиевото дело и на българската култура през IX–X век“*, София, 27 септември–2 октомври 2005 г. София (в печати); Бруни, А. М. La collezione liturgica slava delle orazioni di Gregorio di Nazianzo ed i suoi prototipi bizantini: parallelismi tra codici nazianzeni slavi e georgiani. IN: *МОСХОВІА. Проблеми византийской и новогреческой филологии*. Вып. 2. Москва (в печати).
- ²⁰ Hirmologium Athoum. Reproduction intégrale du Codex Monasterii Hiberorum 470. Ed. C. Høeg (= *Monumenta Musicae Byzantinae, Série principale. Facsimilés*, 2). Copenhagen, 1938; Hirmologium Cryptense. Reproduction integrale du Codex Cryptensis Epsilon.gamma. II. Ed. L. Tardo (= *Monumenta Musicae Byzantinae, Série principale. Facsimilés*, 3). Rome, 1951; Hirmologium Sabbaticum. Reproduction intégrale du Codex Saba 83. 1. Pars Suppletoria; 2.1. Pars Prima: Toni Authentici; 2.2. Pars Secunda: Toni Plagales. Ed. J. Raasted (= *Monumenta Musicae Byzantinae, Série principale. Facsimilés*, 8). Copenhagen, 1968–1970.

- ²¹ Fragmenta Chilandarica Palaeoslavica. В. Hirmologium. Codex Monasterii Chilandarici 308 (= *Monumenta Musicae Byzantinae, Série principale. Facsimilés*, 5). Copenhagen, 1957.
- ²² Twenty Canons from the Trinity Hirmologium. Transcribed by H. J. W. Tillyard (= *Monumenta Musicae Byzantinae, American Series*, 2). Boston–Paris–London–Copenhagen, 1952; The Hymns of the Hirmologium. Part I. Transcribed by A. Ayoutanti and M. Stöhr. Revised and annotated by C. Hoeg (= *Monumenta Musicae Byzantinae, Transcripta*, 6). Copenhagen, 1952; The Hymns of the Hirmologium. Part III. 2. Transcribed by A. Ayoutanti. Revised and annotated by H. J. W. Tillyard (= *Monumenta Musicae Byzantinae, Transcripta*, 8). Copenhagen, 1956.
- ²³ Velimirović, M. M. Byzantine Elements...
- ²⁴ Полную библиографию Й. Ростеда см. в: Ch. Troeslgård. IN: *Cahiers de l'Institut du Moyen-Age grec et latin*, 65, 1995, 3–13.
- ²⁵ Eustratiades, S. Εἰρμολόγιον (= Ἀγιορειτικὴ βιβλιοθήκη, 9). Chennevières-sur-Marne, 1932.
- ²⁶ Другая система соответствий, предложенная Й. Ростедом не вошла в употребление. См: R a a s t e d, J. Observations on the Manuscript Tradition on Byzantine Music I. A list of Heirmos Call-numbers, based on Eustratiades's Edition of the Heirmologion. IN: *Cahiers de l'Institut du Moyen-Age grec et latin*, 1, 1969, 1–12.
- ²⁷ Лаврскую рукопись вслед за Странком принято датировать не раньше серединой X в. (см.: H a n n i c k, Ch. Das Altslavische Hirmologion..., S. 340). Памятник нуждается еще в исследовании как на палеографическом, так и на филологическом уровне.
- ²⁸ Кодекс относят к середине XII в. (см.: H a n n i c k, Ch. Das Altslavische Hirmologion..., S. 340). Фототипное издание памятника см. выше (прим. 20).
- ²⁹ Манускрипт датируют XI в. См.: H u n g e r, H., O. K r e s t e n. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. 3/1: Codices theologici 1–100. Wien, 1976, S. 46.
- ³⁰ R a a s t e d, J. The Princeton Heirmologion Palimpsest. IN: *CIMAGL*, 62, 1992, 219–232.
- ³¹ G a s t o u é, A. Catalogue des manuscrits de musique byzantine de la Bibliothèque Nationale de Paris et des bibliothèques publiques de France. T. 4. Paris, 1907, 93–93.
- ³² H a n n i c k, Ch. Das Altslavische Hirmologion..., 402–405; V e l i m i r o v i ć, M. M. Byzantine Elements..., 46–47.
- ³³ R a a s t e d, J. The Princeton Heirmologion Palimpsest..., 225–228.
- ³⁴ Там же, 229–232.
- ³⁵ Цагарели, А. Памятники грузинской старины в Святой Земле и на Синае (= *Православный Палестинский сборник*, IV, 1). Санкт-Петербург, 1888, с. 240.
- ³⁶ М а р р, Н. Я. Предварительный отчет о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И. А. Джаваховым, и в Иерусалиме, в поездку 1902 г. (апрель–ноябрь). IN: *Сообщения Императорского православного палестинского общества*, XIV, 2, 1903, 1–51.
- ³⁷ H i e r s e m a n n, K. W. Orientalische Manuskripte. Arabische, syrische, griechische, armenische, persische Handschriften des 7.–18. Jahrhunderts, meist theologischen, vorzüglich Kirchen- und Liturgiegeschichtlichen Inhalts von hoher Bedeutung, z.gr. Tl. inedita und unica, mit 20 Tafeln. Leipzig, 1922, No. 16.
- ³⁸ D e R i c c i, S., W. J. W i l s o n. Census of Medieval and Renaissance Manuscripts in the United States and Canada. New York, 1935, p. 868, n° 24; C l e m o n s, J. T. Checklist of Syriac Manuscripts in the United States and Canada. IN: *Orientalia Christiana Periodica*, 32, 1966, 478–522.
- ³⁹ H i e r s e m a n n, K. W. Orientalische Manuskripte..., S. 2.
- ⁴⁰ G a r i t t e, G. Aventures et mésaventures d'un manuscrit géorgien (le cod. Garrett 24, Princeton). IN: *Bedi Kartlisa*, 23–24, 1967, 37–52. Работа здесь цитируется по переизданию: G a r i t t e, G. Scripta disiecta 1941–1977, II (= *Publications de l'Institut Orientaliste de Louvain*, 22). Louvain, 1980, 546–560.
- ⁴¹ М а р р, Н. Я. Описание грузинских рукописей Синайского монастыря. Москва–Ленинград, 1940, с. 170; T a r c h n i š v i l i, M. Geschichte der kirchlichen georgischen Literatur. Citta del Vaticano, 1955, 109–114; V a n E s b r o e c k, M. Les manuscrits de Jean Zosime Sin. 34 et Tzagareli 81. IN: *Bedi Kartlisa*, 39, 1981, 63–75.

- ⁴² H a l k i n, F. Bibliotheca hagiographica graeca (= *Subsidia Hagiographica*, 30). Bruxelles, 1958³, p. 85; V a n E s b r o e c k, M. L'opuscule "sur la croix" d'Alexandre de Chypre et sa version géorgienne. IN: *Bedi Kartlisa*, 37, 1979, 102–132.
- ⁴³ G a r i t t e, G. Les feuillets géorgiens de la collection Mingana a Selly Oak (Birmingham). IN: *Le Muséon*, 73, 1960, 239–259.
- ⁴⁴ A s s f a l g, J. Georgische Handschriften (= *Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland*, 3). Wiesbaden, 1963, 29–35; A s s f a l g, J. Syrische Handschriften (= *Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland*, 5). Wiesbaden, 1963, 184–194.
- ⁴⁵ Сирийский текст гёттингенских палимпсестов издан в: D u e n s i n g, H. Christlich-palästinisch-aramäische Texte und Fragmente. Göttingen, 1906.
- ⁴⁶ R a a s t e d, J. The Princeton Heirmologion Palimpsest..., p. 219.
- ⁴⁷ H i e r s e m a n n, K. W. Orientalische Manuskripte..., S. 2; G a r i t t e, G. Aventures et mésaventures..., 549–551. О других рукописях, описанных А. Баумштарком для каталога К. В. Гирсеманна см.: B a u m s t a r k, A. Neue handschriftliche Denkmäler melkitischer Liturgie. IN: *Oriens Christianus*, N.S., X–XI, 1923, 157–168; B a u m s t a r k, A. Liturgie comparée. Chevetogne, 1953³, p. 103.
- ⁴⁸ R a a s t e d, J. The Princeton Heirmologion Palimpsest..., p. 219, 220, 225–232.
- ⁴⁹ Эти листы Й. Ростедом не проанализировались. Из лл. 74–75 немецкий литургист выписал: ΔΩΡΑ ΟΙ ΠΟΙΜΕΝΕΣ ΤΟ ΘΑΥΜΑ Η ΓΗ ΤΟ ΣΠΗΛΑΙΟΝ...ΠΑΡΘΕΝΟΣ ΕΤΕΚΕΝ ΚΑΙ...ΜΕΤΑ ΗΜΩΝ ΚΤΙΣΜΑΤΩΝ ΕΥΧΑΡΙΣΤΙΑΝ προσερόντων? Этот фрагмент А. Баумштарк считает близким к "Bruchstücke einer Weihnachtshomilie", хотя, ссылаясь на тропарь ἕκαστον γὰρ τῶν ὑπὸ σοῦ γενομένων κτισμάτων τὴν εὐχαριστίαν σοι προσάγει · οἱ ἄγγελοι τὸν ὕμνον · οἱ οὐρανοὶ τὸν ἄστέρα · οἱ Μάγοι τὰ δῶρα · οἱ ποιμένες τὸ θαῦμα · ἡ γῆ τὸ σπήλαιον, он не исключает возможности его принадлежности к духовной поэзии. См.: G a r i t t e, G. Aventures et mésaventures..., p. 550.
- ⁵⁰ R a a s t e d, J. The Princeton Heirmologion Palimpsest..., p. 231(m).
- ⁵¹ E u s t r a t i a d e s, S. Εἰρμολόγιον..., σ. 40.
- ⁵² R a a s t e d, J. The Princeton Heirmologion Palimpsest..., p. 226.
- ⁵³ По сообщению П. Джеффри работа над изучением палимпсеста в Принстоне продолжается с помощью ультрафиолетовых лучей. См.: J e f f e r y, P. The Earliest Oktōēchoi: the Role of Jerusalem and Palestine in the Beginnings of Modal Ordering. IN: *The Study of Medieval Chant: Paths and Bridges, East and West. In Honor of Kenneth Levy*. Ed. by P. Jeffery. Cambridge, 2001, 147–209 (а именно 196, прим. 176).
- ⁵⁴ V e l i m i r o v i ć, M. M. Byzantine Elements..., p. 39, 40, 49, 51.
- ⁵⁵ К е к е л и д з е, К. Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение. Тбилиси, 1908; К е к е л и д з е, К. Иерусалимский Канонарь VII в. Тбилиси, 1912; T a r c h n i š v i l i, M. Le grand Lectionnaire de l'église de Jérusalem, V–VII siècle (= *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*, 188–189, 204–205). Louvain, 1959–1960; L e e b, H. Die Gesänge im Gemeindegottesdienst von Jerusalem vom 5. bis 8. Jahrhundert (= *Wiener Beiträge zur Theologie*, 28). Wien, 1970; G a r i t t e, G. Le calendrier palestino-géorgien du sinaïticus 34, Xe siècle (= *Subsidia Hagiographica*, 30). Bruxelles, 1958; V a n E s b r o e c k, M. Le manuscrit sinaïtique géorgien 34 et les publications récentes de liturgie palestinienne. IN: *Orientalia Christiana Periodica*, 46, 1980, 125–141.
- ⁵⁶ M e t' r e v e l i, E. Č' a n k' i e v a, L. X e v s u r i a n i. u z v e s l i i a d g a r i. Tbilisi, 1980.
- ⁵⁷ R e n o u x, Ch. Les hymnes de la Résurrection I. Hymnographie liturgique géorgienne. Traduction, introduction et annotation des textes du Sinai 18 (= *Sources liturgiques*, 3). Paris, 2000, 18–20; M é t r é v é l i, H. Les manuscrits Liturgiques géorgiens des IX–X siècles et leur importance pour l'étude de l'Hymnographie byzantine. IN: *Bedi Kartlisa*, 36, 1978, 43–48; M é t r é v é l i, H., T s c h a n k i e v a, L. K h e v s u r i a n i. Le plus ancien tropologue géorgien. IN: *Bedi Kartlisa*, 39, 1981, 55–62.
- ⁵⁸ M e t' r e v e l i, E. z l i s p' i r n i d a y m r t i s m ō b l i s a n i. o r i z v e l i r e d a k c i a X – X I s s. x e l n a c' e r e b i s m i x e d v i t. Tbilisi, 1971; M é t r é v é l i, H., B. O u t t i e r. Contribution à l'histoire de l'Hirmologion: anciens Hirmologia géorgiens. IN: *Le Muséon*, 88, 1975, 331–359.
- ⁵⁹ M e t' r e v e l i, E. z l i s p' i r n i d a y m r t i s m ō b l i s a n i. ... ev. 014–015.

- ⁶⁰ Текст 64 ирмосов и богородичных этой рукописи издан в книге: Met' reveli, E. zisp'irni da ymrtismšoblisani..., gv. 3–33 [правый столб]. Описание рукописи Sin. 34 см. в: kartul xelnac'erta ayč'eriloba. sinuri k'olekcia. nak'veti I. šeadgines da dasabeč'dad moanzades: el. met'revelma, c. č'ank'ievma, l. xevsurianma, l. žγamaia. Tbilisi, 1978, gv. 94–143 (для ирмология – 102).
- ⁶¹ Met' reveli, E. zisp'irni da ymrtismšoblisani..., gv. 022–023.
- ⁶² Описание рукописи см. в: kartul xelnac'erta ayč'eriloba. sinuri k'olekcia..., 77–93 (для ирмология – 88).
- ⁶³ Текст издан в: Met' reveli, E. zisp'irni da ymrtismšoblisani..., 205–208.
- ⁶⁴ Там же, gv. 014–016.
- ⁶⁵ Описание рукописи см. в: kartul xelnac'erta ayč'eriloba. sinuri k'olekcia..., gv. 73–77 (для ирмология – 74).
- ⁶⁶ Met' reveli, E. zisp'irni da ymrtismšoblisani..., gv. 018.
- ⁶⁷ Издание текста см. там же, 209–214.
- ⁶⁸ K'ik'naze, G. nevmirebuli zisp'irni. xelnac'eri A-603. Tbilisi, 1982.
- ⁶⁹ В настоящей работе проблемы древнегрузинской музыкальной палеографии не обсуждаются, так как они требуют специального отдельного исследования.
- ⁷⁰ Ingorova, P'. txulebata k'rebuli. T. 3. Tbilisi, 1966, 79–92.
- ⁷¹ kartul xelnac'erta ayč'eriloba. S k'olekcia. T. 1. Tbilisi, 1959, gv. 544.
- ⁷² Gvaxaria, V. mikael modrek'ilis himnebi X s. T. 1–3. Tbilisi, 1978; Van Esbroeck, M. L'hymnaire de Michel Modrekili et son sanctoral (Xe siècle). IN: *Bedi Kartlisa*, 38, 1980, 113–130.
- ⁷³ kartul xelnac'erta ayč'eriloba. S k'olekcia..., gv. 544.
- ⁷⁴ Ingorova, P'. txulebata k'rebuli..., gv. 81.
- ⁷⁵ K'ik'naze, G. nevmirebuli zisp'irni..., gv. 55.
- ⁷⁶ kartul xelnac'erta ayč'eriloba. atonuri k'olekcia. Tbilisi, 1986, 123–132.
- ⁷⁷ K'ik'naze, G. nevmirebuli zisp'irni..., gv. 29, 30, 40–47.
- ⁷⁸ Velimirović, M. M. Byzantine Elements..., p. 39, 40, 49, 51–52.
- ⁷⁹ Raasted, J. The Princeton Heirmologion Palimpsest...
- ⁸⁰ Hannick, Ch. Das Altoslavische Hirmologion..., 413–414.
- ⁸¹ Там же, 405–413.
- ⁸² Grivec, F., F. Tomšič. Constantinus et Methodius Thessalonicensis: Fontes (= *Radovi staroslavenskog Instituta*, 4). Zagreb, 1960, S. 164; Ангелов, Б. С., Х. Кодов. Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 3. София, 1973, с. 191.
- ⁸³ Момина, М. А. Проблема правки книг на Руси. IN: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 45, 1992, 200–219.
- ⁸⁴ Пентковский, А. М. Типикон Патриарха Алексия Студита..., 195–196, 226.
- ⁸⁵ Изучая ряд древнерусских богослужебных книг, в том числе и ирмологий, к такому же выводу пришла М. А. Момина. См.: Момина, М. А. Проблема правки книг на Руси..., с. 210, 215.
- ⁸⁶ Греческие списки Афоно-студийского типикона не известны, однако этот типикон можно реконструировать на основании южно-итальянских уставов и древнегрузинского синаксария Георгия Святогорца. См.: Arpaiz, M. Les grandes étapes de la liturgie byzantine: Palestine-Byzance-Russie. Essai d'aperçu historique. IN: *Liturgie de l'Église particulière et liturgie de l'Église universelle. Conférences Saint-Serge XXIIe semaine d'études liturgiques*. Paris, 30 juin–juillet 1975. Roma, 1976, 43–72.

Roman Krivko (Moscow)

Синайские унциальные гимнографические сборники и их значение для славянской традиции¹

На сегодняшний день пока нельзя сказать, к какому периоду относится начало славянского присутствия на Синае и в Палестине. Обращает на себя внимание, однако, что большинство древнейших глаголических рукописей имеет именно синайское происхождение, причем корпус этих источников за последние десятилетия был существенно дополнен благодаря новым находкам в монастыре св. Екатерины². В связи с этим встает вопрос, происходило ли во время древних славяно-греческих контактов в Палестине и на Синае прямое заимствование богослужебных или гимнографических традиций. Для ответа на него важнейшее значение имеют греческие литургические рукописи, найденные наряду со славянскими в 1975 г. в монастыре св. Екатерины. Наиболее древние унциальные памятники датированы в каталоге VIII–IX вв.³, эти источники являются на сегодняшний день свидетелями первых этапов истории греческих богослужебных сборников, исключительно ценными по сравнению с более ранними фрагментами благодаря своей полноте. Их историко-литургическое описание византинистам еще предстоит выполнить в будущем: каталог новых находок⁴ содержит пока только самую краткую информацию о составе рукописей, что связано с их сложным содержанием. Тем не менее обзор некоторых особенностей синайских унциальных гимнографических памятников уже позволяет сделать некоторые обобщения, важные и для славянской гимнографии. Эти памятники в рамках относительной хронологии дают возможность проследить, по сле какого этапа развития греческой гимнографии славянская традиция подключается к византийской.

В рамках данного исследования рассмотрены следующие единицы хранения.

1) *Sin.gr. μεγάλη γραφή*, № 4, IX–X вв. (далее: *Sin 4*). В каталоге⁵ рукопись названа тропологием, видимо, потому, что этот термин до XIII в. мог употребляться по отношению к богослужебным сборникам самого разного состава, в том числе к минеям и триодям⁶. Рукопись *Sin 4* содержит службы на большинство неподвижных праздников июля и августа (за исключением важнейших; см. ниже).

2) *Sin.gr. μεγάλη γραφή*, № 5, VIII–IX вв.⁷ (далее: *Sin 5*). Одна из наиболее ценных вновь найденных рукописей. Памятник является тропологием, собранием служб на подвижные и неподвижные даты всего церковного года, начиная с

tioned, proof-read the edition. After it became evident that the edition contained quite a number of errors, a new edition – in the Latin script – was initiated by Franc Miklošić and Vatroslav Jagić and prepared by Ivan Črnčić, a canon at the Croatian Institute of St. Jerome in Rome. Črnčić had recognised errors not only in the Rački edition, but also in the editions of individual fragments, which had preceded it. In the Assemani Gospel fragment of 144 lines, published in the renowned book by Šafařík, entitled *Památky hlaholského písemnictví*, Črnčić had found 550 errors, whilst in the same fragment in the Rački edition, there were 50.

This article is partly based upon the non-published material, and shows the development of two of the Croatian editions, which had also been the first editions of the Assemani Gospel at all. Moreover, the Rački edition is the first edition of any complete Glagolitic manuscript ever.

Cynthia M. Vakarelijska (Eugene, OR, USA)
On Ohrid/"Preslav" Seams in the Book of John

An abrupt shift from attested Ohrid lexicon to Preslav-associated lexicon within an individual Slavic gospel manuscript (e.g., *ijudei – židove*) generally is considered evidence in itself that the manuscript contains a textual-level Ohrid/"Preslav" redactional seam – in other words, that it conjoins an Ohrid-redaction source with a "Preslav"-redaction source. Through a comparison of five medieval Slavic gospels containing such a lexical shift in the middle of the Book of John, the article shows that this assumption is in fact quite unreliable, at least with regard to gospels, because Ohrid/"Preslav" lexical seams can occur in similar locations in gospel manuscripts whose "Preslav" portions have no textual features in common that differ significantly from those of the Ohrid redaction.

Tatjana Mostrova (Sofia)
The Book of the Prophet Isaiah in the Great Menologia of Metropolitan Makary

The goal of the study is to present the composition, content and structure of the texts linked with the name of the prophet Isaiah in the May volume of the three versions (the Uspenski, the Sophia and the Royal sets) of the Great Menologia of Metropolitan Makary. The preliminary textological comparisons have shown that each of the three versions contains three copies, which differ in structure and content. The first copy in the Uspenski, the Sophia and the Royal sets gives the full text of the Book of the Prophet Isaiah in its Preslav translation, but with removed commentaries. The third copy, which from a textological point of view contain only a small number of morphological and lexical variants in the basic text, is accompanied with commentaries by Theodoret of Cyrhus, Basil the Great, John Chrysostom, Cyril of Alexandria, Severian of Gavaia, and others. Between these two copies in the three May volumes we can see fragments of a total of 157 verses from 12 chapters from the Book of Isaiah, which have been found to be identical with the Cyrillo-Methodian paroemia translation. The study of the composition of the copies in the menologia shows that they lack the abbreviated version of the text of the Book of Isaiah with commentaries, a version witnessed to in the Middle Bulgarian manuscript tradition of the 14th century (MS No F.I.461, Илук 507). In all probability it was not disseminated in Russia and the content was selected by the men of letters of Tarnovo, who in the last quarter of the 14th century made the first attempt to compile a collection of Old Testament books.

Elena Velkovska (Siena)
A Pseudo-Dionysian Text in the Glagolitic Euchology of Sinai

The new leaves of the Glagolitic Euchology of Sinai have made the rite of the blessing of water during the feast of Theophany (6th January) entire again. The article deals with the rare prayer Supersubstantial Trinity immediately preceding the old part of the Slavic Euchology. Its text has been identified with the beginning of the treatise *Theologia Mystica* of Pseudo-

Dionysius. The Slavic text, however, is not quite identical to the Pseudo-Dionysian one. A closer parallel has been found in a Greek euchology from Grottaferrata, call n° *G. b. VI* (11/12th c.), an Italo-Greek liturgical manuscript from Calabria, unique texts witnessing to the prayer among over eighty copies of the rite of the Theophany from the 8th to the 13th century. Having in mind both Greek texts – that of *G. b. VI* and the critical edition of the *Theologia mystica* – we have proposed a partial reconstruction of the parts lacking in the Slavic text. The passage in question probably entered the ESS by means of the Italo-Greek liturgical books that owe so much of their character to the 7th century migratory movement from the Near East to the shores of Southern Italy.

Alessandro Maria Bruni (Würzburg)
The Old Slavonic Hirmologion and the Hymnographical Traditions of the Holy Land: on the Problem of the Origin of the Byzantine Prototype

The paper is dedicated to the problem of the origin of the Byzantine prototype of the Old Slavonic Hirmologion. In the Greek tradition we find two types of this liturgical-musical book, the *OdO* (= *Oden-Ordnung*) and the *KaO* (= *Kanon-Ordnung*) Hirmologion. Only the first one is attested in Slavonic. The present study shows that the geographical hypothesis of M. Velimirovič about the Constantinopolitan origin of the type *KaO* and the Palestinian origin of the *OdO* Hirmologion is to be rejected. The hymnographical traditions of the Holy Land did not influenced the origin of the Slavic translation of the Hirmologion. Furthermore, the comparison between the Georgian and the Slavic traditions allows us to interpret the passage of the *Life of Methodius* about the translation by Cyrillus and Methodius of the "izbrannye služby" as a literary evidence concerning the oldest history of the translation of the Byzantine Hirmologion from Greek into Slavonic.

Roman Krivko (Moscow)
Sinaitic Uncial Hymnographical Collections and their Role for the Slavic Tradition

The article describes the structure and the content of the uncial hymnographical collections, which were newly discovered at St. Catherine monastery in 1975. These collections are compared with Old Church Slavonic hymnographical tradition of Old Bulgarian origin. Fundamental differences and unique common features between the two traditions, Sinaitic and Old Bulgarian, were established. The most interesting characteristics of the uncial collections are following: arrangement of genres in the text according to their place in the service, interpolation of theotokia from the collection named "Heirmoloion with theotokia", absence of Kontakia, unstable liturgical and hymnographical terminology, interpolation of the second Ode into the eight-ode Canons by Cosma of Mayouma and by John Damascene. The last three of the above mentioned features correspond with the archaic Slavonic tradition of "festal Menaion". On the base of structural features and liturgical calendar it was proved that the correspondence between the two traditions is not a result of direct influence, but reflects mediate adoption through Byzantine cultural and political centers where Slavs borrowed Greek originals for their translations. The main characteristic features of the Sinaitic Tropologion were described. On the basis of comparison of Tropologion and Slavonic sources it was proved that the assumption about an existence of Old Bulgarian Tropologion is not supported by any facts.

Mariyna Tsibranska-Kostova (Sofia)
The Slavic Nomokanon: the Exemple of the Sin.slav.18 from XVIth century

The article describes some of the South Slavic linguistic peculiarities of the Nomokanon redaction in the Sin.slav.18. It occurs to be the same which was chosen for the official printed Nomokanon in the Great Orthodox Trebnik during the Patriarch Nikon's reform activity in Russia around the middle of the XVII century. In this context the presumable cultural relation-